

Ю.П. Родионов**СИБИРСКИЕ ДЕПУТАТЫ В I ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ**

Завершающая часть избирательной кампании по выборам в I Государственную думу - избрание депутатов на губернских и областных собраниях выборщиков - в Сибири началась а середине мая 1906 г., т.е. спустя почти три недели после торжественного приема народных представителей Николаем II в Зимнем дворце и открытия думских заседаний в Таврическом дворце в Петербурге. Первыми избранными депутатами от Сибири оказались купец С.И. Колокольников и священник Н.А. Савкин из Тобольской губернии. 15 мая 1906 г. в Тобольске за Колокольникова отдали голоса 29 выборщиков из 54, за Савкина - 28¹. Однако Н.А. Савкин в тот же день предъявил председателю губернского избирательного собрания заявление о своем отказе от звания депутата. Согласно закону, Тобольской губернии отводилось в Государственной думе 4 депутатских места, поэтому 16 мая выборщики собрались вновь и доизбрали недостающее число членов Думы. Свыше половины голосов во второй день выборов получили четверо: А.Н. Ушаков (находился в административной ссылке, но письменно дал согласие баллотироваться), Т.В. Алексеев, А.Д. Нестеров и Ф.И. Белобородов. Последнему пришлось довольствоваться моральной победой: положением «кандидата в депутаты», так как показатели голосования за кандидатуру Ф.И. Белобородова были более низкими, чем у его соперников - 29 «за», 27 «против»².

В отличие от выборщиков Тобольской губернии их «коллегам» в Красноярске удалось избрать двух представителей Енисейской губернии в первый же день выборов - 30 мая. Абсолютное большинство «баллотировочных шаров» было отдано земледельцу С.А. Ермолаеву и врачу Н.Ф. Николаевскому (соответственно 24 и 16 из 28)³. А в Томске одного дня не хватило, 30 мая из шести вакансий была заполнена одна - депутатом стал врач А. И. Макушин, известный в Сибири общественный деятель, получивший 54 голоса из 86. 31 мая выборщики, собравшиеся в том же составе, что и накануне, решали непростую задачу: из 43 претендентов (именно столько выборщиков согласились баллотироваться) определить пятерых. Подсчет голосов показал, что 50-процентный барьер преодолели 6 кандидатов, причем трое - Г. И. Ильин, Я. А. Шилов и Е.С. Ерлин - с равными показателями (49 «за» и 37 «против») ⁴. Как поступить в такой ситуации? В избирательном законе ответа не нашли. Заручившись поддержкой выборщиков, организаторы собрания провели перебаллотировку набравших одинаковое число голосов. В результате «шестерка» от Томской губернии выглядела так: А. И. Макушин, М.И. Овчинников, Е.П. Пуртов, Г. И. Ильин, Е.С. Ерлин, Л.Н. Немченко.

Вскочить в последний вагон поезда с названием «I Государственная дума» успели два представителя Акмолинской области и один - Сибирского казачьего войска, расположенного на территории Акмолинской и Семипалатинской областей и ряда уездов Томской губернии. 15 июня 1906 г. в Омске станичные выборщики избрали депутатом И.П. Лаптева, податного инспектора со станицы Павлодарская Семипалатинской области (42 голоса «за», 24 – «против»)⁵. Выборы депутата от сельского и городского населения Акмолинской области, за исключением так называемого инородческого, также проходили в Омске 15-16 июня. Проведение выборов в течение двух дней объясняется тем, что 15 июня никто из восьми баллотировавшихся кандидатов не получил необходимой поддержки двадцати участников Акмолинского областного избирательного собрания. 16 июня баллотировке были подвергнуты пять кандидатур. (Победил В. И. Ишерский, врач из Омска (уже третий врач среди сибирских депутатов!), единственный, кто смог собрать свыше половины «избирательных шаров» — 14 (а 15 июня — только 7)⁶. Наконец, большинство выборщиков от киргизского (казахского) населения Акмолинской области (94 из 118) 15 июня в Кокчетаве проголосовали за Ш. Кощегулова из Кокчетаевского уезда⁷.

Таким образом, в мае-июне 1906 г. от Сибири и прилегающей к ней территории Степного края были избраны 15 депутатов: 4 от Тобольской губернии, 2 - Енисейской, 6 - Томской, 2 - Акмолинской области и 1 — от Сибирского казачьего войска.

Депутаты собирались в столицу, в спешном порядке передавали дела по службе преемникам, решали неотложные вопросы хозяйственного и бытового плана и не догадывались, как до обидного мало времени судьбой отпущено им на депутатскую деятельность.

Сибирские представители уезжали в Петербург с наказами избирателей. Имеются сведения, что 23 мая 1906 г. на сходе крестьян Демьянской волости Тобольского уезда Тобольской губернии был принят «наказ» А.Н. Ушакову⁸. Крестьяне с. Тальменское Барнаульского уезда Томской губернии передали своему депутату Г.И. Ильину программу неотложных мер, в их понимании. На первое место в «наказе» поставлен вопрос о земле. Алтайские крестьяне выступали за то, чтобы земля принадлежала государству и не являлась предметом торговли. Право собственности признавалось, но на то, что создано трудом человека, а не дано ему природой. Кроме этого положения, содержалось требование введения в Сибири земства, упразднения института крестьянских начальников, снятия исключительных положений. Составители «наказа» не забыли сферу образования: выдвигалась задача открытия земледельческих школ, ремесленных училищ и даже сельскохозяйственного института в Барнауле «со свободным доступом крестьян»⁹.

Казаки Сибирского казачьего войска разработали «наказ» И.П. Лаптеву, а граждане

Омска — В.И. Питерскому. В.И. Ишерского напутствовали следующими словами: «Вы, наш депутат, идите в ту сторону, которая стоит спиной к правительству, а лицом к народу»¹⁰. С наказами красноярских избирателей отправился 8 июня в столицу Н.Ф. Николаевский. Тысячи жителей Красноярска пришли проводить своего земляка. Не менее впечатляющими были проводы В. И. Ишерского 21 июня в Омске. В Томске губернские выборщики (более 80 чел.) поручили депутатам передать членам Государственной думы наилучшие пожелания томичей и «выразить Государственной думе твердую уверенность в том, что она своей деятельностью добьется условий свободного развития всех сил русского народа»¹¹.

Первым из сибирских депутатов, в конце мая 1906 г., в Петербург прибыл тюменский купец Х.И. Колокольников. И это не случайное совпадение. Крестьянских представителей от Тобольской губернии А. Д. Нестерова и Т. В. Алексева задержала весенняя страда, а А.Н. Ушакову предстояло сначала покинуть место ссылки - г. Сургут, вернуться в Тобольск, получить все необходимые документы и уже затем отправляться на депутатскую работу. К 23 июня группа сибиряков в I Думе насчитывала 10 чел. Именно столько депутатов края подписали в тот день заявление, которым добивались увеличения «сибирской квоты» в аграрной комиссии - с 3 до 5-6. Отсутствие в списке «десяти» В. И. Ишерского, Ш. Коцегулова и И. П. Лаптева не удивляет: как известно, они были избраны 15-16 июня и не успели приехать (В. И. Ишерский, например, с 21 июня находился в пути). Приходится догадываться о причинах неприбытия до 23 июня М.И. Овчинникова из Томской губернии и С. А. Ермолаева — из Енисейской, избранных 30 и 31 мая. Оба занимались земледельческим трудом, и это обстоятельство, конечно, отодвинуло сроки их отъезда из дома.

В конце июня к исполнению депутатских обязанностей наконец – то приступили все 15 депутатов. Возникла мысль об учреждении специальной парламентской группы. Большинство депутатов-сибиряков идея была одобрена, но она осталась неосуществленной из-за последовавшего 8 июля императорского указа Правительствующему Сенату о роспуске Государственной думы первого созыва. Выборная кампания в Иркутской губернии, Забайкальской и Якутской областях была искусственно прервана. Но и при ином стечении обстоятельств депутаты от Восточной Сибири, кроме Енисейской губернии, смогли бы появиться в Таврическом дворце не ранее осени, с началом второй сессии. Губернское и городское избирательные собрания в Иркутске, например, были назначены на...8 августа. Глубокая обида звучала в голосе томского депутата А.И. Макушина когда он выступал в Государственной думе 30 июня: «Мы явились из Сибири несвоевременно не потому, что устраивали свои дела или болели, а потому, что нас сюда

не пускали»¹².

На «парламентскую адаптацию» сибирским депутатам не потребовалось много времени. Они сразу же включились в работу по составлению заявлений и запросов, участвовали в прениях по вопросам повестки дня общих собраний Думы, не забывая, выразителями интересов населения какого края являются.

Первым "полпредом" Сибири, поднявшимся на высокую думскую трибуну, суждено было стать Алексею Николаевичу Ушакову. Произошло это событие 20 июня 1906 г., на тридцатом заседании Думы. Прежде всего А.Н. Ушаков поприветствовал народных представителей от имени граждан Тобольска. «Провожающие уполномочили меня на это, - заметил депутат.- С меньшим правом, господа, я мог бы говорить здесь о приветствии от имени политических ссыльных, сосланных в большом количестве в Тобольскую губернию»¹³. Однако не только и столько для передачи приветствий попросил слова 42-летний опальный тобольский чиновник, некогда служивший в Иркутске и возглавлявший после смерти Н.М. Ядринцева газету «Восточное обозрение». В Думе рассматривались результаты выборов по Тамбовской губернии. Оживленный обмен мнениями состоялся в связи с отстранением от голосования в губернском избирательном собрании пяти выборщиков г. Тамбова. Наметились два принципиально отличавшихся подхода: признать выборы недействительными и назначить новые; утвердить итоги выборов. Заключение комиссии IV отдела, скрупулезно изучавшей «выборное производство» по Тамбовской губернии, и IV отдела в целом было в пользу кассации выборов на том основании, что «пять лиц, не нравящихся, очевидно, тому лицу, у которого в руках было управление всем губернским избирательным собранием, сознательно исключены из состава выборщиков»¹⁴. А.Н. Ушаков поддержал решение IV отдела. Злоупотребления администрации ему были хорошо известны: тобольские власти устранили из числа выборщиков по г. Тобольску А.Н. Ушакова и Н.Л. Скалозубова. В Тобольске справедливость восторжествовала, но это скорее исключение, чем правило. «Каждый выборщик, являющийся в губернское избирательное собрание, — отметил А.Н. Ушаков, — находится в том положении, что, может быть, администрация захочет его допустить, а, может быть, захочет его вычеркнуть». В своих противоправных действиях власти рассчитывают на то, что Государственная дума все равно утвердит результаты выборов, доказывал депутат. Мотивируя свою позицию, А.Н. Ушаков учитывал также предстоящие выборы на востоке России: «...при этом постановлении, о котором будут знать в Восточной Сибири, администрация не позволит себе таких упражнений в отношении выборщиков»¹⁵. При голосовании свыше 2/3 депутатов согласились с аргументами за отмену выборов по Тамбовской губернии. А.Н. Ушаков был, без

сомнения, удовлетворен таким решением Государственной думы.

В I Думе состоялось 40 заседаний (последнее — 7 июля 1906 г.). С 20 июня сибирские депутаты выступали почти на каждом заседании, иногда несколько раз в день. Н.Ф. Николаевский и А.И. Макушин приняли участие в прениях по докладу о белостокском погроме. 1 июня 1906 г. в г. Белостоке Гродненской губернии был учинен антиеврейский погром с кровавыми последствиями. «Население в ужасе взывает к помощи Государственной думы», - отмечалось в заявлении о запросе, подписанном 49 депутатами 22 июня¹⁶.

Бескомпромиссной по отношению к правительству была речь Николая Федоровича Николаевского 27 июня, продолжавшаяся около часа. «Преступление, совершенное в Белостоке, не представляет из себя чего-нибудь единичного, это только звено той цепи, которую русское министерство старается задержать стремление русского народа к свободе» - этими словами начал свое выступление депутат из Минусинска Енисейской губернии. Н.Ф. Николаевский позволил себе возразить почтенному графу П.А. Гейдену, который несколькими днями раньше критиковал левых депутатов за превращение Думы в митинг вместо того, чтобы способствовать превращению ее в законодательное учреждение, как ей и подобает быть по закону. С формальной точки зрения П.А. Гейден прав, согласился Н.Ф. Николаевский. «...Когда мы действительно не будем слышать буйных речей о расстрелах народа, — тогда и только тогда наступит творческая, спокойная работа. Теперь же языком истинного народного представителя может быть лишь язык гнета, а не язык спокойствия анатома»¹⁷. Пользуясь возможностью, Н.Ф. Николаевский рассказал о другом преступлении режима, подобном белостокскому, по «не над евреями, а над русскими братьями»: об экспедиции в Сибирь карательного отряда генерала Меллер - Закомельского в начале 1906 г. «Сибиряки решили, что Меллер - Закомельский должен быть отдан под беспристрастный суд народа. Запрос об этой бойне между прочим уже представлен мною в Государственную думу», сообщил оратор. По его убеждению, при существующем строе, при настоящем правительстве запросы и важные законопроекты никогда не претворятся в жизнь. Свое эмоциональное выступление Н.Ф. Николаевский закончил тем, что поднял вопрос об отставке правительства И.Л. Горемыкина, уже рассмотренный Думой 13 мая и решенный положительно (решенный Думой, а не императором и председателем Совета Министров, игнорировавшими вотум недоверия думцев): «... Русские министры... должны оставить свой пост и дать возможность народным представителям ввести русскую жизнь в нормальное русло»¹⁸.

Обличительной по существу и эмоциональной по форме, как и у Н.Ф. Николаевского, получилась «белостокская» речь А.И. Макушина 29 июня. Отличие

заклучалось в том, что А.И. Макушин в качестве иллюстративного материала погромной политики правительства избрал события в своем городе в октябре 1905 г. Томская администрация и прежде всего губернатор Азанчевский - Азанчеев могли если не предотвратить погром, то прекратить его развитие в самом начале, не допустив до трагического финала. Этого не было сделано, наоборот, после погрома чинились препятствия объективному расследованию дела. Неудивительно, отметил Макушин, что «к известиям о погроме в Белостоке томичи относятся в высшей степени тревожно»¹⁹.

Широкий резонанс в Государственной думе и в российском обществе вообще вызвало правительственное сообщение по аграрному вопросу, опубликованное 20 июня в «Правительственном вестнике». Главноуправляющий землеустройством и земледелием А.С. Стишинский и товарищ министра внутренних дел В.И. Гурко попытались представить правительство как благодетеля крестьян, в отличие от депутатов, посягавших на святую святых — частную собственность на землю. В сообщении утверждалось, что думский аграрный проект в случае его реализации не решит проблемы крестьянского малоземелья: «В народе распространяются слухи, будто правительство не соглашается на принудительное отчуждение частновладельческих земель, отстаивая выгоды помещиков. Это неверно. Правительство охраняет законные права всех и каждого, но в данном случае полагает, что не землевладельцам нанесло бы ущерб принудительное отчуждение от них земель, а самому крестьянству»²⁰.

Лицемерие высокопоставленных чиновников вызвало возмущение большинства членов Думы. В ряду тех, кто поспешил публично выразить негодование действиями министров, были также и сибирские депутаты — Н.Ф. Николаевский и В.И. Ишерский. Выступая на 38-м заседании Государственной думы 4 июля 1906 г., Н.Ф. Николаевский обвинил Стишинского и Гурко, а в их лице и все правительство, что они вышли за пределы властных полномочий, считая "себя вправе претендовать на присвоение себе законодательной функции". Депутат назвал поступок министров преступным, за что немедленно получил замечание С.А. Муромцева, председателя I Думы. «Я думаю, что Государственная дума не достигнет практических результатов своей деятельности до тех пор, - продолжал Н.Ф. Николаевский, - пока между Думой и Государем и между Думой и народом будет стоять враждебная стена в лице министерства и его агентов»²¹. Прозвучавшие после этих слов аплодисменты свидетельствовали о том, что выступление сибирского депутата находит одобрительный отклик в зале.

Что же делать? - задавал извечный вопрос русской интеллигенции Н.Ф. Николаевский. Для самого оратора ответ казался найденным: устранить «угрюмую враждебную скалу в лице министерства и его агентов». «Я думаю, - патетически произнес

Николаевский, - наступил момент, когда Государственная Дума должна принять в свои руки временно исполнительную власть, хотя бы, как высказываются некоторые крестьянские депутаты, предварительно получивши аудиенцию от Государя. (...) Я знаю, что народ и половина армии стоит с недоумением перед спокойствием Государственной Думы и только ждет...»²². Н.Ф. Николаевский, таким образом, сознательно предлагал Думе совершить акт антиконституционного значения. Согласие на аудиенцию у Николая II, безусловно, следует расценивать как тактический прием. Не настолько наивен был депутат Енисейской губернии, с университетским образованием, чтобы надеяться на благосклонное отношение монарха к прозвучавшему призыву. А вот насчет готовности народа и армии к новому решительному натиску на царизм Н.Ф. Николаевский заблуждался искренне. В подобном настроении находились многие, что и выявила молчаливая реакция в стране на последовавшие вскоре досрочный роспуск I Думы и воззвание «Народу от народных представителей», более чем умеренное по своему содержанию, принятое группой депутатов в Выборге 10 июля 1906 г.

Незадолго да Высочайшего указа о роспуске Думы аграрная комиссия, самая многочислен май из думских комиссий - около 100 чел., подготовила проект обращения к народу, разъяснявшего смысл законотворческой работы депутатов по аграрному вопросу. Оценка депутатами этого документа была различной до полярных суждений: от одобрения до полного неприятия. В.И. Ишерский 4 июля, впервые взошедший на трибуну в качестве парламентария, доказывал необходимость принятия обращения. В конце своей краткой речи он выразил уверенность, что, «обращаясь с своим заявлением к населению, мы не вступаем в состязание с правительством..., а говорим наиболее заинтересованному населению, крестьянству, что правительственное сообщение есть ложь, и вы ему не верьте»²³.

Но содержание обращения в последней редакции не устроило фракцию социал-демократов, в которую не замедлил вступить В.И. Ишерский. 6 июля омский депутат выступил вновь, уже по поручению своих партийных товарищей. Фракция доверила ему зачитать заявление о несогласии социал-демократов с одобренным большинством I Думы «аграрным» обращением, стержней которого сделался призыв к мирной работе. «Мы, члены фракции РСДРП, - отмечалось в заявлении, - ... при окончательном голосовании будем голосовать против него, оставляя за собой право самостоятельным обращением выяснить народу истинное положение дел»²⁴. Обращение было принято 124 депутатами при 53 голосовавших против и 101 воздержавшемся (воздержавшимися были преимущественно члены Трудовой группы).

Политические симпатии и партийная принадлежность сибирских депутатов

отличались разнообразием. Было бы ошибочным квалифицировать партийную ориентацию большинства представителей Сибири как некую константу. Из 15 депутатов края свою принадлежность к фракции кадетов в Думе подтвердили 5 чел. (А.И. Макушин, С.И. Колокольников, Д.Н. Немченко, Т.В. Алексеев и Е.П. Пуртов). В Трудовую группу вошли или сочувствовали ее платформе А.Н. Ушаков, Н.Ф. Николаевский, С.А. Ермолаев, М.И. Овчинников. И.П. Лаптев являлся одним из 14 сторонников «партии демократических реформ», а В.И. Ишерский – одним из 17 социал-демократов (по данным на конец сессии). Е.С. Ерлин, как указывалось в журнале «Сибирские вопросы» (1906.№ 1. С. 104). в Думе «примкнул к правым», но это не бесспорно: в книге «Работы первой Государственной думы» (С. 489), изданной С.-Петербургским комитетом Трудовой группы в 1906 г., он отнесен к беспартийным вместе с Г.И. Ильиным, А.Д. Нестеровым и Ш. Кошегуловым.

Разные партийно-политические взгляды, выраженные явно или находившиеся на стадии формирования, не препятствовали сибирским депутатам совместно защищать региональные интересы. Нагляднее всего принцип землячества в хорошем смысле был продемонстрирован при обсуждении нормы представительства от Сибири в аграрной комиссии. Для того чтобы убедить депутатов Европейской России, что трех зарезервированных мест для Степного края, Западной и Восточной Сибири, а также Дальнего Востока, мягко говоря, недостаточно, депутаты не ограничились упоминавшимся заявлением от 23 июня, оглашенным в Думе 26 июня 1906 г. Исправить ошибку и расширить «сибирскую квоту» в комиссии с 3 до 6 или хотя бы 5 чел. дважды призывал депутатов на общедумском собрании А. И. Макушин. Поиск новых аргументов в тот же день продолжил И.П. Лаптев. «Мы очень просим об удовлетворении нашей просьбы», - обратился к членам Думы А.И. Макушин и в сердцах заметил, что «наше положение игнорированных нам, сибирякам, надоело, и нам хотелось бы, чтобы те права, которые даются представителям Европейской России были даны и нам без урезок. Если здесь (при формировании аграрной комиссии. - Ю.Р.) был расчет один от 5, то зачем же для нас делать один от 7»²⁵.

В аграрной комиссии поработать сибирским депутатам не пришлось. Вместе с тем они успели (и сумели!) публично в форме запроса министрам, излагая частные примеры из общественной жизни края, поставить проблему ненормальных взаимоотношений власти и общества. 20 июня группа депутатов направила председателю Государственной думы заявление с осуждением методов борьбы с «государственной крамолой» в Тобольске по распоряжению тобольского губернатора в январе 1906 г. был арестован, а затем выслан в г. Березов на три года агроном Н.Л. Скалозубов за то, что в декабре 1905 г.

руководил съездом уполномоченных от крестьянских и инородческих обществ (с разрешения администрации!). Министру внутренних дел П.А. Столыпину предлагалось ответить на вопросы: известны ли ему факты, связанные с высылкой Скалозубова? Какие меры были приняты для возвращения Скалозубова и пресечения к повторению таких случаев? Под заявлением поставили подписи 33 депутата, в том числе А.Н. Ушаков, А.И. Макушин, Е.П. Пуртов, С.И. Колокольников, А.Д. Нестеров: Запрос был принят Думой на заседании 7 июля 1906 г.

Тогда же, на последнем заседании, депутаты приняли еще один «сибирский» запрос, адресованный министрам внутренних дел и народного просвещения, В запросе выражен протест против административной ссылки в феврале 1906 г. профессоров и преподавателей Томского технологического института во главе с директором Е.Л. Зубашевым (всего 5 чел.). «Высылка целого ряда профессоров не могла не отразиться и на судьбе высшего учебного заведения, единственного в Сибири, специально устроенного для распространения технического образования», - отмечалось в депутатском обращении²⁶. В числе 30 депутатов, выступивших с инициативой запроса еще 28 июня, были А.Н. Ушаков, А.И. Макушин, Г.И. Ильин. Н.Ф. Николаевский, Е.П. Пуртов, А.Д. Нестеров, М.И. Овчинников, Д.Н. Немченко.

Инициатором еще одного запроса относительно злодеяний карательного отряда генерала Меллер - Закомельского на ст. Иланская Сибирской железной дороги в январе 1906 г. выступил Н.Ф. Николаевский (именно об этом запросе он говорил в Думе 27 июня). Запрос был признан срочным и в срочном порядке направлен военному министру А.Ф. Редигеру. Н.Ф. Николаевский, А.И. Макушин, В.И. Ишерский (не исключено, что кто-то еще, так как подписи нередко неразборчивы) не раз оказывали содействие представителям других территорий России или партийных фракций, поддерживая их заявления о запросах (требовалось не менее 30 подписей для передачи заявления на рассмотрение общего собрания Думы).

Шестеро депутатов от сибирских губерний и областей (А.Н. Ушаков, С.И. Колокольников, Н.Ф. Николаевский, С.А. Ермолаев, В.И. Ишерский и А.И. Макушин) разделили печальную участь 169, депутатов уехавших 9 -10 июля 1906 г. в Выборг и собственноручно подтвердивших свою причастность к составлению воззвания. Под «Выборгским воззванием» поставили подпись еще 55 чел., но сделали это позднее, в Петербурге. Поскольку авторами оригинального текста воззвания они не являлись, то их не привлекли к судебной ответственности. В числе этих 55 депутатов был И.П. Лаптев. Если бы Лаптев находился 9-10 июля в Выборге, его дальнейшая думская карьера и карьера члена Государственного совета стали бы попросту невозможны: всех

«выборжцев» навсегда лишили избирательного права. Такое решение суда, проходившего в Петербурге с 12 по 18 декабря 1907 г., воспринималось многими бывшими депутатами тяжелее, чем заключение в тюрьму сроком на три месяца. Сибирские депутаты «первого призыва», несмотря на краткость работы в Думе - в течение нескольких недель - не оказались в Таврическом дворце робкими созерцателями. Они достаточно активно показали себя и как ораторы, и в роли законодателей. Их оппозиционность к правительству проявилась отчетливо, и это обстоятельство было учтено организаторами новой думской кампании пришедшейся на первые месяцы 1907 г. Во вторую Государственную думу большинство сибирских депутатов, как и их предшественники, смогли прибыть со значительным опозданием.

¹ РГИА. Ф.1278. Оп.1. 1906. Д.21. Л.21.

² Там же. Л. 30.

³ Там же. Д. 63. Л.38.

⁴ Там же. Д. 76. Л. 2, 12.

⁵ РГИА. Ф. 1278. Оп.1. 1906. Д. 104. Л. 332.

⁶ Там же. Л. 411, 412.

⁷ Там же. Л. 427.

⁸ Крестьянское движение в Сибири. 1861 – 1907 гг. Новосибирск, 1985. С. 264.

⁹ Сибирские вопросы. 1906. № 1. С. 105 – 106.

¹⁰ Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия первая. Т. II. Спб., 1906. С. 2000.

¹¹ Там же. С. 1808.

¹² Там же. С. 1864.

¹³ Там же. С. 1519.

¹⁴ Там же. С. 1508.

¹⁵ Там же. С. 1519 – 1520.

¹⁶ Там же. С. 952.

¹⁷ Там же. С. 1789.

¹⁸ Там же. С. 1791.

¹⁹ Там же. С. 1812.

²⁰ Правительственный вестник. 1906. 20 июня.

²¹ Государственная дума. Т. II. С. 1958.

²² Там же.

²³ Там же. С. 2000.

²⁴ Цит. по: Работы Государственной думы. По стеногр. Отчетам. Спб., 1906. С. 480.

²⁵ Государственная дума... Т. II С. 1860.

²⁶ РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. 1906. Д. 704. Л. 2.